

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА
Тюменский университет

НАЧАЛО ДИСКУССИИ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ФЕОДАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (50-е годы XX века)

«Борис Федорович Поршнеv (родился в 1905 г.) крупный советский историк, ученый широкого диапазона, доктор исторических наук и доктор философских наук. Его капитальная работа «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)», опубликованная в конце сороковых годов, была удостоена Государственной премии, переведена на иностранные языки и вошла в мировую историческую науку по общему признанию не только историков-марксистов, но и представителей буржуазной историографии.

Б. Ф. Поршнеv автор книги о Жане Мелье — утопическом провозвестнике революционного коммунизма. Он возглавляет специальную группу по истории социалистических идей в Институте истории Академии Наук СССР.

Многие годы Б. Ф. Поршнеv успешно работает в смежных с историей научных областях социальной психологии, этнографии, антропологии, биологии. Б. Ф. Поршнеv является членом Международного социального института и достойно представляет советскую науку на различных международных конгрессах и конференциях»¹. Такими словами предварялась одна, забытая ныне, экзотическая публикация известного советского историка Б. Ф. Поршнева. Зная практику наших журналов, выражаем уверенность, хотя и бездоказательную, что написано это лаконичное *curriculum vitae* самим Б. Ф. Поршневым. Мы помещаем ее здесь для того, чтобы показать размах и умение ученого одним росчерком пера напомнить всем о себе и своих заслугах.

На рубеже 40–50-х гг. Б. Ф. Поршнеv так определял главную задачу советской медиевистики: «Марксистско-ленинская историография видит свою задачу в тщательном изучении истории развития феодального способа производства и его противоречий, выражающихся в антифеодальном сопротивлении и в классовой борьбе угнетенных народных масс по-разному на разных этапах средневековой истории»².

Он, добившись в 1948 г. признания в виде Сталинской премии, хотел большего. К тому же он явно имел склонность к теоретическим построени-

---

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения, историографии и источниковедения Тюменского государственного университета. Специалист по русской историографии абсолютизма.

¹ Поршнеv Б. Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 4. С. 98.

² Поршнеv Б. Ф. Вопросы историографии средневековой Франции: Стенограмма лекции. 101 л. (Автограф. Дата: 10 октября 1951 г.) // РГБ. Ф. 684. Карт. 6. Ед. хр. 10. Л. 92.

ям³. Он пишет статьи, в которых ставит важную для марксистского общественно-научного познания проблему роли борьбы классов в истории. Варианты двух из них он показывает Е. А. Косминскому, который, высказав критические замечания, предлагает обсудить их на заседании сектора истории средних веков. Но Б. Ф. Поршневу не стал этого делать⁴. Он, по-видимому, попытался опубликовать статьи в «Вопросах истории», но встретил отказ редакции⁵.

С 1948 по 1950 гг. Б. Ф. Поршневу публикует четыре статьи⁶ в журнале «Известия АН СССР»⁷, ставших поводом к весьма ожесточенной полемике.

³ Страсть Б. Ф. Поршнева к обобщениям и теоретическим построениям недавно отметил его ученик А. В. Гордон, давая интервью саратовскому историку А. В. Гладышеву. Судя по словам А. В. Гордона, Б. Ф. Поршневу отдавал предпочтение генерализациям перед источниковедением. Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность А. В. Гладышеву, предоставившему нам возможность ознакомиться со стенограммой интервью, хранящейся в его личном архиве. В приведенном отрывке речь идет о разных отношениях Б. Ф. Поршнева и его другого ученика Г. С. Кучеренко к историческому ремеслу. Вот он: «Учителем он (Б. Ф. Поршневу. – Т. К.) был, честно говоря, очень плохим. В отличие от Адо, который во все влезал, он оказывал «общее руководство». Что-то он Геной (Г. С. Кучеренко. – Т. К.) был не очень доволен. Робок, чего-то там не схватывает. Но Гена был в каком-то смысле параллель Бориса Федоровича. Борис Федорович любил схватить, так схватить. Всю Европу, например. Он очень любил сквозные темы. Например, XVII в. Невероятный полет фантазии. Пришло ему в голову, что Морелли это на самом деле – Дидро! И все. Он органически не мог терпеть, чтобы в истории были белые пятна. Гена, наоборот, фактограф, шел от фактов, сторонник кропотливого труда: Бориса Федоровича это раздражало». В интервью А. В. Гордона речь идет в том числе о статье Б. Ф. Поршнева, в которой тот выдвигал гипотезу о том, что Морелли – это Дидро. См.: Поршневу Б. Ф. Милье, Морелли, Дешан // Век Просвещения. М., 1970. С. 196–215. Склонность Б. Ф. Поршнева к теории отмечали и современники. В декабре 1946 г. Е. А. Косминский, в частности, писал Б. Ф. Поршневу: «Я очень ценю Ваш талант историка и особенно вашу способность к сложным и в то же время стройным построениям». См.: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 34. Ед. хр. 47. Л. 21.

⁴ Этот факт Е. А. Косминский признавал: «Мне передавали, что Борис Федорович ссылался на меня, что я прочитал эти статьи заранее и одобрил их. Это отчасти верно. Я прочитал по крайней мере такие работы, которые представляют собой, может быть, первоначальный набросок двух статей Бориса Федоровича, и нашел их очень интересными и интересными для обсуждения, но тогда я сказал, что эти статьи вызовут определенные возражения, что они отрывают классовую борьбу от экономики, с чем Борис Федорович, по-видимому, согласился, но соответствующих выводов не сделал. И я тогда же предложил поставить эти статьи на обсуждение сектора, что не было сделано в конце концов по нежеланию Бориса Федоровича». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 187–188.

⁵ А. Д. Удадьцов, тогда член редакции журнала «Вопросы истории», как-то скажет на заседании партбюро Института: «...О Поршневе. Когда он хотел опубликовать свои статьи в «Вопросах истории», я сказал ему, что их нужно переработать. Он обиделся, взял статьи, поместил их в «Исторических записках» (А. Д. Удадьцов оговорился, ибо статьи, как уже сказано, были напечатаны в «Известиях АН СССР». – Т. К.) См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 19.

⁶ Поршневу Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Изв. АН СССР. Сер. Ист. и филос. 1948. Т. V. № 6. С. 473 – 488; Он же. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества // Изв. АН СССР. Сер. Ист. и филос. 1949. Т. VI. № 6. С. 521–537; Он же. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Изв. АН СССР. Сер. Ист. и филос. 1950. Т. VII. № 3. С. 205–222; Он же. Сущность феодального государства // Изв. АН СССР. Сер. Ист. и филос. 1950. Т. VII. № 5. С. 418–444.

⁷ Большую помощь в публикации статей Б. Ф. Поршневу оказал В. В. Альтман, бывший тогда референтом Отделения истории и философии АН СССР. В 1951 г. В. В. Альтман, как бывший троцкист и «враг народа», был арестован. См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 10, 16; Ед. хр. 19. Л. 144. В. В. Альтман будет освобожден в 1955 г. по просьбе А. М. Панкратовой. См.: Кан Александр. Анна Панкратова и «Вопросы истории». Новаторский и критический журнал в Советском Союзе в 1950-е годы // Историк и время. 20 – 50-е гг. XX в. А. М. Панкратова. М., 2000. С. 92.

Статьи показывают, что их автор стремился к «теоретическим обобщениям»⁸ и развивал выводы, как точно подметит В. В. Бирюкович, к которым он пришел в результате конкретно-исторических штудий по истории Франции⁹. Прежде всего, вопрос об источнике исторического развития вызывал у Б. Ф. Поршнева неподдельный интерес. В статьях он приходит к заключению, что движущей силой исторического процесса является борьба классов, которая позволяет, как ему кажется, универсальным образом объяснить все события и явления. «Исторический материализм, — пишет Б. Ф. Поршнев, — требует при объяснении истории исходить и не из «экономики» вообще (это — путь так называемого «экономического материализма»¹⁰), а, прежде всего, из главного, основного экономического факта: отсутствия или наличия эксплуатации; если перед нами общество, основанное на эксплуатации, классовое общество, то исторический материализм требует объяснения всех надстроек¹¹ через классовую борьбу, отражающую основное производственное отношение, основной классовый антагонизм данного типа общества.

Таким образом, марксистско-ленинская историческая наука должна показать историю народных трудящихся масс не только как основной силы производственного процесса, но и как силы, веками боровшейся против эксплуататоров, которые владели теми или иными средствами производства»¹².

По мнению Б. Ф. Поршнева, развитие и разложение феодализма подталкивалось незатихающей в течение столетий классовой борьбой крестьянства с феодалами. «Пришло время медиэвистам, следуя руководящему сталинскому указанию, сосредоточить внимание именно на крестьянской борьбе и показать, что она-то и была основной силой, принуждавшей развиваться в течение веков феодальное общество, государство и мировоззрение. Не менее важно показать, что та же крестьянская борьба была и основной силой революции, уничтожившей, в конце концов, феодализм»¹³. В отличие от большинства современных ему отечественных историков, утверждавших, что феодализм был разрушен буржуазными революциями, которыми руководила буржуазия, Б. Ф. Поршнев приходил к другому выводу: «Феодальный способ эксплуатации ликвидирует именно «революция крепостных крестьян», под которыми в широком смысле слова разумеются вообще феодально-эксплуатируемые крестьяне»¹⁴.

Советскому историку было свойственно в любом обществе видеть носителей прогрессивного будущего и реакционного прошлого. В феодальном обществе будущее, полагали исследователи, было за буржуазией. Разнообразием

---

⁸ Поршнев Б. Ф. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. С.475.

⁹ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2, Ед. Хр. 22. Л.44 об. В. В. Бирюкович: «Никакой принципиальной разницы между методологической основой его статей и монографией его, получившей, к сожалению, Сталинскую премию, нет».

¹⁰ По-видимому, здесь Б. Ф. Поршнев имел в виду, прежде всего, Е. А. Косминского.

¹¹ В другом месте он приходил к выводу, что даже формы сознания зависят от классовой структуры общества. «Сознательность сама есть следствие классовой структуры народа». См.: Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С.486; Вероятно, отдельные положения будущих статей Б. Ф. Поршнева оглашал на своих лекциях в академии общественных наук при ЦК КПСС. См., например: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 21. Ед. хр. 11. Л. 1–43. Поршнев Б. Ф. Революция крепостных. Стенограмма лекции, прочитанной 17 апреля 1947 г. в академии общественных наук при ЦК КПСС.

¹² Поршнев Б. Ф. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. С.521 – 522.

¹³ Там же. С. 525.

¹⁴ Там же. С. 528.

трактовок отличалось отношение к крестьянству: одни считали крестьянство реакционной массой, другие полагали, что крестьянство могло быть союзником прогрессивной силы в борьбе с реакцией. Если вторую трактовку роли крестьянства в истории Б. Ф. Поршнев с различными оговорками готов признать¹⁵, то против первой он решительно восстает, наклеивая на ее сторонников в духе времени разнообразные политические ярлыки. «Лассальянцы, меньшевики, троцкисты, псевдомарксисты разнообразных толков всегда, говоря об истории, делали главный логический акцент на прогрессивности капитализма и буржуазии¹⁶ и, естественно, видели в крестьянстве, если оно выступало не под руководством буржуазии и не в борьбе за капитализм, лишь сплошную реакционную силу»¹⁷.

Сам Б. Ф. Поршнев, призывая не судить «об объективном значении крестьянских восстаний преимущественно по их идеологии и субъективным целям», а по имеющему место «внеэкономическому принуждению» и фактам сопротивления, «исповедовал, как и в случае с буржуазией, теорию «двух душ», только теперь речь шла о крестьянстве. Итак, средневековый крестьянин, по мнению Б. Ф. Поршнева, одновременно является и «эксплуатируемым тружеником и мелким буржуа». Для «первой души» крестьянства борьба с феодалами является имманентно и априорно присущим качеством, «вторая душа» крестьянства, о чем всегда пишут (подчеркивает наш автор) меньшевики, делает крестьянство «резервом буржуазии», которым они, как мелкие буржуа, стремятся стать. Борьба «по первой линии» является «основной чертой» «основного внутреннего антагонизма феодального общества»¹⁸.

Итак, классовая борьба, по Б. Ф. Поршневу, является главным фактором всех социальных и экономических перемен. Но не только их. Вассалитет, государственность и даже техника вооружений также эволюционируют и меняются под воздействием классовой борьбы. Об этом он пишет в статье «Сущность феодального государства», которая, на его взгляд, состоит «в обуздании и подавлении крестьянства»¹⁹.

«Феодальная государственная власть принимала более прогрессивные формы, если крестьянская борьба против феодализма стояла на более высокой ступени»²⁰.

«В длительной перспективе эволюция рыцарского вооружения объясняется эволюцией крестьянского вооружения и средств борьбы: лука, крючьев для стаскивания всадников с коня, особым образом приспособленных кос, ножей для перерезания у коня сухожилий, упертой в землю рогатины или длинной пики и т. д.

---

¹⁵ Б. Ф. Поршнев признавал эту формулу абсолютно верной для социалистической революции. Но продолжал выражать несогласие с господствующей точкой зрения, что буржуазную революцию осуществляет буржуазия, используя крестьянство и городское плебейство в качестве союзников. Он считал такую позицию меньшевистской, нарушая при этом любимый марксистской историографией принцип историзма. «И ранние, и поздние буржуазные революции являются буржуазными революциями – в основе их лежит нечто общее. Меньшевистское обобщение гласило, что душой всех буржуазных революций была и будет буржуазия, большевистское – что душой всех буржуазных революций были и будут народные массы.

Итак, антимарксистскую, антиленинскую, позицию меньшевиков в вопросе о буржуазно-демократических революциях империалистической эпохи не следует отрывать от их представлений о буржуазных революциях вообще, в том числе о ранних буржуазных революциях». См.: Поршнев Б. Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С. 480.

¹⁶ А здесь, вероятно, намек на С. Д. Сказкина.

¹⁷ Он же. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. С. 525.

¹⁸ Он же. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С. 480.

¹⁹ Он же. Сущность феодального государства. С. 421.

²⁰ Там же. 438.

Рыцарское вооружение должно было видоизменяться, парируя все эти крестьянские выдумки»²¹. Б. Ф. Поршневу пишет, что крестьяне в борьбе с рыцарями не только совершенствовали вооружение, но и объединялись, заставляя последних также вступать в союзы. «Так складывался, — полагает он, — вассалитет... Так или иначе, но тайна образования иерархии феодалов лежит в усилении крестьянского сопротивления, в особенности в его расширении за пределы поместья-государства»²². Интересно, улыбался ли, читая этот и подобные пассажи, читатель 50-х гг. или оставался серьезным?

Первоначально крестьянское сопротивление ограничивалось помещьем, но затем по мере «ассоциирования крестьянских сил», оно разрастается, охватывая племенные территории и государства. Расширяющиеся крестьянские восстания, полагает историк, в конечном счете, привели к созданию централизованного государства и абсолютной монархии. «На определенной ступени развития крестьянской борьбы, вытекавшего из развития самого способа производства, централизация государственного аппарата стала необходимой»²³. «Угроза крестьянских восстаний потребовала централизации политической власти, и она же, нарастая, заставляла централизацию все более усиливаться и дойти, наконец, до стадии абсолютизма»²⁴. «Кроме того, централизованная монархия стала необходимой потому, что постепенно изменился характер вооружения и тактика крестьян». Крестьяне и горожане овладели огнестрельным оружием («самопал». — Б. Ф. Поршневу), но абсолютизм противопоставил им артиллерию²⁵.

«Смысл централизации феодального государства, — подчеркивает Б. Ф. Поршневу, — состоял в создании мощного резерва материальной силы. Которая могла бы быть применена в том случае, если бы где-нибудь в стране перевес сил оказался на стороне восставшего народа»²⁶. Эту материальную силу абсолютизм обретает с помощью растущего налогообложения²⁷.

Любой тип феодального государства, считает Б. Ф. Поршневу, неминуемо рухнул бы, если бы крестьянское сопротивление не сдерживалось тремя факторами: «силой оружия», «силой религии» и «силой традиции»²⁸.

Однако после возникновения абсолютизма первый фактор выходит на первое место. «Абсолютистское государство, опираясь на голое насилие, на чистое внеэкономическое принуждение, забирает себе таким путем огромную долю народного дохода, народного труда и пота, затрачиваемых в неиссякающей надежде выбраться из нищеты, И именно эти налоги дают возможность абсолютистскому государству быть сильным и осуществлять насилие»²⁹.

Центром управления государством в раннее Новое время являлась королевская власть, расширяющая полномочия и отодвигающая других участников на периферию. История укрепления королевской власти в изображении Б. Ф. Поршнева предстает как процесс заигрывания и постоянного использования двух других игроков — «народа» и «феодалов». «Она (королевская власть. — Т. К.) поднимается, как двуликий Янус. Призванная стать центром подавления всех революционных элементов, борющихся против феодализма, она временно оказалась центром их притяжения»³⁰. Такой тактики королевская власть придерживается до тех пор, пока не решит стратегической задачи — превращения в абсолютную, после чего обнажается ее феодальная сущность.

²¹ Там же. С. 426.

²² Там же. С. 427.

²³ Там же. С. 428.

²⁴ Там же. С. 432.

²⁵ Там же. С. 431-432.

²⁶ Там же. С. 431.

²⁷ Там же. С. 437.

²⁸ Там же. С. 418-419.

²⁹ Там же. С. 437.

³⁰ Там же. С. 443.

Особое место в статье занимают рассуждения об экономике и национальном рынке. Б. Ф. Поршнев пишет, что некоторые историки считают их явлениями, подталкивающими централизацию страны. Он именует такую точку зрения «экономическим материализмом»³¹, вновь и вновь отдавая приоритет классовой борьбе³².

Легко заметить, что крестьянство в Средние века, борясь с феодалами и государством, по Б. Ф. Поршневу, все время подталкивало к изменению и совершенствованию различные формы человеческого бытия.

Даже европейские нации в значительной степени складывались в результате классовой борьбы крестьян с феодалами. Определяя «нацию» через более широкую категорию «общность», Б. Ф. Поршнев пишет, что «нарастание общности — симптом и условие нарастания борьбы». «Общность феодально-эксплуатируемых крестьян в кульминационной, высшей стадии своего развития есть национальная общность». Крестьянская национальная общность, по его мнению, формировалась посредством крестьянского сопротивления. Переселения и бегство крестьян от эксплуатации расширяли и формировали территорию, размывали диалекты и создавали единый национальный язык, «элементы психического склада и культуры». В ходе массовых восстаний у крестьян формировалось понимание «общности всей исторической судьбы». «Очень показательно, скажем, как французские крестьяне и плебеи в разгар народных восстаний XVII в. легко преодолевали, размывали несущественные для них грани между отдельными «провинциями», способствуя тем самым формированию нации снизу, тогда как феодально-абсолютистской администрацией и дворянством эти «провинции» воспринимались как совершенно различные и обособленные «земли». Формирующаяся в процессе сопротивления единая крестьянская общность создает «всю базу, на которой нация возникает». Но крестьянская борьба, подчеркивает он, только одна, хотя и главная, предпосылка складывания нации. Крестьянство вместе с нарождающимся пролетариатом формирует только одну нацию в составе единой нации. Вторая нация — это нация буржуазии, нация эксплуататоров. Именно «буржуазные политические и культурные лидеры превращают исторически сложившуюся национальную общность из потенции в реальность», то есть «складывают «две нации внутри одной нации»³³. Но при этом буржуазия «присвоила себе главные плоды всей борьбы»³⁴.

Схема Б. Ф. Поршнева, по меркам тех дней, отличалась оригинальностью, претендовала на новое прочтение марксизма. А поскольку двух мнений в советском марксизме не должно было быть, то ему надлежало сделаться либо «классическим», либо ложным, или, например, ревизионистским. То же самое ждало его оппонентов. Субъективность не имела право на существование. Точка зрения могла быть или правильной, значит общепринятой и партийными передовицами поддержанной, либо опасным заблуждением. На слове «опасный» делаем специальный акцент. Адептам «ложных» воззрений оставался путь «покаяния», а там уж как суровые органы решат... Предстояла схватка, и кому-то одному — Б. Ф. Поршневу или его противнику — суждено было этот путь пройти.

³¹ Современница тех событий Е. В. Гутнова полагает, что под сторонниками «экономического материализма» Б. Ф. Поршнев подразумевал авторитетных историков того времени — Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, Н. А. Сидорову, В. Ф. Семенова. См.: Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 266; Думается, что в своем утверждении она права, поскольку именно эти историки самым решительным образом будут критиковать Б. Ф. Поршнева за статьи. Видимо, именно их будет иметь в виду Б. Ф. Поршнев, когда в письме от 01.08.1951 г., адресованном Сталину, напишет: «Влиятельная группа историков, по своему мировоззрению близких к «экономическому материализму», сумела очернить эту мою работу, объявив ее «не-марксистской» и «порочной». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 5. Л. 78.

³² Он же. Сущность феодального государства. С. 428–429.

³³ Формула «две нации внутри одной нации» принадлежит В. И. Ленину.

³⁴ Поршнев Б. Ф. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации... С. 217–221.

Согласно правилам того времени столь дискуссионные статьи подлежали обсуждению, затем либо одобрению, либо осуждению. Казалось бы, инициатива обсуждения работ Б. Ф. Поршнева должна была принадлежать Институту истории, но там с этим медлили. Как заметил в декабре 1950 г. на заседании партбюро института М. М. Фрейденберг, «...вопрос о творческих свободных дискуссиях в секторе истории Средних веков стоит очень остро. Обсуждение статей тов. Поршнева, вызвавших большие разговоры, недопустимо затягивается. В последнее время эта дискуссия перенесена уже на январь...»³⁵. Не исключено, что ждали указаний «сверху», боясь «ошибиться». Отметим, что в целом 1950-й г. не был удачным для Б. Ф. Поршнева. Журнал «Вопросы истории» поместил острокритическую рецензию на сборник, незадолго до этого им отредактированный, где особенно досталось его статье «К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII веках»³⁶.

С инициативой ответить на «вызов» Б. Ф. Поршнева (то есть провести обсуждение статей) выступили аспиранты кафедры истории Средних веков МГУ³⁷, кото-

³⁵ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. Хр. 16. Л. 110. Выдающийся советский историк-балканист М. М. Фрейденберг в 1950 г. был аспирантом сектора истории Средних веков Института истории.

³⁶ См.: Уч. зап. АОН при ЦК ВКП (б). Вып. 2: Вопросы всеобщей истории. М., 1948. Рецензия, написанная И. Белкиным, помещена в «Вопросах истории» (1950. № 1. С. 136 – 143). Профессор И. Белкин работал в МГУ на кафедре истории СССР. После выхода статьи Б. Ф. Поршнева «К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII веках» И. Белкин неоднократно публично критиковал некоторые ее положения. По его мнению, в статье Б. Ф. Поршнева «оправдывал раздел Польши» и высказывал мысль, что Россия до Петра I находилась на периферии европейской политики, а российская армия обрела боеспособность только после ее преобразования на европейский манер. «Такое разрешение вопроса о месте России в системе европейских государств, концепция о том, что Россия была азиатским государством и получила все с Запада, льет воду на мельницу наших врагов», – говорил И. Белкин. См.: ЦАОДМ. Ф. 478. Оп. 2. Ед. хр. 198. Л. 38–39 (Протокол закрытого партийного собрания кафедры истории СССР исторического факультета МГУ от 07.03.1949).

³⁷ Е. В. Гутнова вспоминает: «По инициативе аспирантской молодежи в начале 1950 года началась дискуссия по статьям Поршнева, сначала на кафедре средних веков МГУ, а затем в Институте истории». См.: Гутнова Е. В. Пережитое. С. 267; С. Д. Сказкин оставил свидетельства о том, что инициатива принадлежала «комсомольской организации при кафедре истории средних веков, заведующим которой я (С. Д. Сказкин. – Т. К.) имею честь быть». См.: Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1. См. также: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 157–158; где, в частности, уточняется: «правда, члены кафедры принимали участие (в обсуждении. – Т. К.)». Сохранились свидетельства, что Б. Ф. Поршнева выражал недовольство этим, – например, упоминание С. Д. Сказкина в приведенных выше документах. Несколько подробнее об этом говорит В. В. Бирюкович: «Когда стихийно велась критика статей проф. Поршнева, инициаторами которой были комсомольцы Московского университета, то т. Поршнева был не только этим возмущен, но больше того, он не скрывал своего возмущения. Он открыто говорил об этом: как посмели какие-то комсомольцы Московского университета в то время, когда он был болен, в его отсутствие, обсуждать его работу». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 180; В ходе обсуждения статей Ю. М. Сапрыкин счел необходимым заметить: «Я должен дать справку, Борис Федорович, Вы обиделись, что Ваши статьи обсуждались без Вашего присутствия. Но Вас приглашали неоднократно, Вы не хотели явиться на это обсуждение. Вы ходили к декану и просили, чтобы он это незаконное «сборище» не разрешал. Декан, ссылаясь на свободу критики и борьбу мнений, Вам отказал». См.: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 36. Но сам Б. Ф. Поршнева совсем иначе интерпретировал это событие: «Напротив, – заявлял он, – я обратился к руководству истфака с просьбой подкрепить обсуждение, намеченное аспирантами, то есть обеспечить более расширенный общественный и научный контроль. Мне было обещано, что общественный контроль будет обеспечен, чтобы более широкие круги приняли участие в обсуждении. Тем не менее обсуждение в МГУ не носило нормальный характер, товарищи провели обсуждение без меня, во время моей болезни, что я, несмотря на все их аргументы, считаю неправильным. Можно было недельку подождать, – ничего не горело, и лучше было бы обсуждать в моем присутствии, раз уж меня пригласили». Там же. Л. 224.

Нас не могло не интересовать то, насколько свободны были аспиранты МГУ в своем инициировании, а насколько оно было им «подсказано». Но, к сожалению, никакими данными, способными пролить на это свет, мы не располагаем.

рые, как тогда написал об этом А. Москаленко, «подвергли их серьезной обоснованной критике»³⁸. «Затем статьи проф. Поршнева подверглись критике в секторе истории СССР до XIX в. в связи с обсуждением вопроса о периодизации истории СССР. И только в январе 1951 г. работы Б. Ф. Поршнева подверглись всестороннему обсуждению в дискуссии, организованной сектором истории средних веков»³⁹. Сами количественные характеристики обсуждения, показывают насколько большой резонанс получили статьи Б. Ф. Поршнева. В ходе заседаний выступило 22 человека, на каждом заседании присутствовало от 100 до 200 слушателей⁴⁰.

Здесь мы вновь должны выразить сожаление о том, что не располагаем подробной стенограммой дискуссии, которая продолжалась целых четыре дня. Вместе с тем мы располагаем двумя версиями обсуждения — более короткой и более критической по отношению к Б. Ф. Поршневу в «Вопросах истории» и более пространной и лояльной в «Известиях АН СССР». Последнее обстоятельство нам не представляется слишком важным, поскольку для нашего исследования главными являются характеристики и метод «убеждения», а не вопрос «кто за кого». Кроме того, фонд Б. Ф. Поршнева, хранящийся в Российской Государственной Библиотеке, содержит тексты выступлений примерно половины участников дискуссии. По своей тональности они гораздо более корректны, чем их печатный пересказ в журналах⁴¹. Видимо, самой дискуссии предшествовала определенная организационная подготовка. Не пренебрегал ею, вероятно, и сам Б. Ф. Поршнева, пригласивший на обсуждение философов⁴².

³⁸ Москаленко А. В Институте истории АН СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева // Вопросы истории. 1951. № 6. С. 138; См. также об этом: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 15–16, 19–20.

³⁹ Резолюция открытого партийного собрания Института истории «О состоянии научной критики и самокритики и об идейно-теоретическом уровне научной продукции» от 26.04.1951 г. // ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 254–255.

⁴⁰ Москаленко А. В Институте истории АН СССР. Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева.

⁴¹ Материалы обсуждения его статей о роли борьбы народных масс в истории феодального общества в Институте истории АН СССР: Стенограмма и обсуждение. 1951 г. // ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. 330 л.

Здесь нет текстов выступлений М. А. Алпатова, В. В. Бирюковича, З. В. Тираспольской, С.А.Покровского и др. Отсутствие текстов объяснил сам Б. Ф. Поршнева в своем выступлении 25 апреля на партийном собрании в Институте Истории, в котором обвинил Н.А.Сидорову в намеренной фальсификации стенограммы и в выборке текстов выступления. Судите сами: «Я добивался получения стенограммы дискуссии, — говорит Б. Ф. Поршнева, — и когда я ее получил, я обнаружил, что стенограмма перепечатывалась. Для какой цели, я не знаю, но, конечно, для того, чтобы их кому-то показывать. Перепечатывались они не полностью, — перепечатывались и рассылались, очевидно, в какие-то места, — таким образом, что дело кончается выступлением Н. А. Сидоровой, меня критикующим, и исключены выступления ряда товарищей, например, тов. Алпатова и молодежи, которые подчеркивали, насколько не удовлетворило их выступление Н.А.Сидоровой. Я уже не говорю, что выступление Н. А. Сидоровой оказалось фальсифицированным в этой стенограмме... Я вижу, что стенограмма была написана с текста и этот текст был дан стенографисткам после дискуссии, причем в него вставлены такие места, которые изменили смысл выступления...». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 73.

⁴² Сохранились свидетельства о том, что философов для участия в дискуссии на стороне Б. Ф. Поршнева привлекал уже упоминавшийся В. В. Альтман. «Известно, что Альтман играл не последнюю роль в группе Поршнева, Манфреда, Вебера и др. Необходимо заняться этим вопросом серьезно. Именно Альтман стрался напечатать статьи Поршнева в журнале, которые подверглись такой единодушной критике на последней дискуссии. Именно Альтман старался всячески обеспечить положительные отзывы работников Института

Обсуждение открыло выступление Б. Ф. Поршнева, который счел необходимым подчеркнуть, что статьи его «заострены» против «некоторых наших историков», которые недооценивают «значение борьбы масс против эксплуататоров в исторических судьбах феодального общества». Он добавил, кроме того, что публикации представляют главы из готовящейся монографии «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества»⁴³, которая будет состоять из 7 глав. Историк счел нужным выразить несогласие с тем, что в МГУ провели обсуждение статей в его отсутствие по причине болезни. Он протестовал также против «пущенных... слухов, будто... статьи получили отрицательную оценку со стороны руководящих организаций». По жанровой принадлежности статьи «близки к истмату»⁴⁴.

В дальнейшем обсуждение пошло по давно отработанному сценарию: работы подверглись проверке на верность марксизму. Часть выступающих нашла статьи противоречащими марксизму. «Экономический материализм», троцкизм и меньшевизм, в которых Б. Ф. Поршневу упрекали некоторых историков, вернулся ему не менее хлесткими обвинениями. Ю. М. Сапрыкин обвинил Б. Ф. Поршнева в уклоне в «вульгарный материализм», «ревизии основных высказываний классиков марксизма-ленинизма о феодализме», в косвенной полемике с ними, «непонимании диалектики исторического развития», «неискренности», «догматизме», «свободном обращении с фактами»⁴⁵.

По мнению С. Д. Сказкина, Б. Ф. Поршневу неправильно интерпретирует Сталина, «превращает классовую борьбу в имманентно развивающуюся категорию», «искажает основные положения исторического материализма», «устраняет... роль нарождающейся буржуазии как класса в процессе образования абсолютной монархии», «искажает факты», противоречит «совершенно ясным и недвусмысленным заявлениям классиков марксизма-ленинизма», находится под «влиянием Марра»⁴⁶. С. Д. Сказкин специально подметил: «Вы (обращается к Б. Ф. Поршневу. — Т. К.) хотите всю конкретно-историческую действительность уложить формалисти-

---

философии об этих порочных с методологической точки зрения статьях, требовал от т. Асиновской посылки повесток в Институт философии, хотя по работе Альтман не имел к этому никакого касательства». Из выступления Н. А. Сидоровой на заседании партбюро Института истории от 20.01.1951 г. См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л.10; «Я хочу фиксировать внимание партийной организации на следующем факте, что Альтман, который лез во все дела, совершенно его не касающиеся, не только напечатал статьи Поршнева в «Известиях Академии Наук», не только тащил их в печать одну за другой, он на дискуссии проявил необычайную активность, тащил философов с третьего этажа, чтобы выступили в защиту этих статей Поршнева. И товарищи, которые выступали в защиту Б. Ф. Поршнева, должны иметь в виду и знать об этих фактах, которые я докладываю. Известно нам, что он проявил необычайную активность, чтобы всячески поднять на щит и оправдать их». Из выступления Н. А. Сидоровой на отчетно-выборном партийном собрании Института истории от 20.01.1951 г. См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 88.

⁴³ Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР. Сер. Ист. и филос.», в 1948–1950 гг. // Изв. АН СССР. 1951. Т. 8. № 2. С. 201–208. Упомянутая монография была издана только в 1964 г.: Поршневу Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л.15–16.

⁴⁵ Там же. С. 201; Москаленко А. Указ. соч. С. 138; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л.36, 53.

⁴⁶ Обсуждение статей... С. 202; Москаленко А. Указ. соч. С. 138–139; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 72, 74, 75. Обвинение в следовании Н. Я. Марру, лингвистическая теория которого незадолго до этого подверглась осуждению лично Сталиным, было по тем временам весьма серьезным.

чески в прокрустово ложе вашего понимания классовой борьбы как единственной причины исторического процесса в целом, не принимая во внимания той конкретной формы, в которой классовая борьба происходит при феодализме, и притом на разных ступенях развития феодализма она происходит по-разному»⁴⁷.

В. В. Бирюкович назвал концепцию Б. Ф. Поршнева «немарксистской», «неправильной», «идеалистической», содержащей «глубоко ошибочные положения», «склоняющейся к Дюрингу, против которого так непримиримо в свое время боролся Ф. Энгельс», «искажающей марксистско-ленинскую методологию». Одна из главных ошибок Б. Ф. Поршнева, считает В. В. Бирюкович, состоит в том, что тот «начисто отрицает и прогрессивную роль абсолютизма, поскольку последний создается, по его (Б. Ф. Поршнева. — Т. К.) мнению, лишь для того, чтобы подавлять революционное движение масс»⁴⁸.

Н. А. Сидорова усмотрела в статьях Б. Ф. Поршнева «попытку ревизии основных положений марксизма-ленинизма, попытку, прикрытую левой фразой и поэтому особенно опасную», «отрицание ряда известных высказываний классиков марксизма-ленинизма, а также искажение учения И. В. Сталина», «антиисторизм», «рецидив «покровщины»⁴⁹, «отвержение материалистического понимания истории» и «идеалистическую позицию»⁵⁰.

С. А. Покровский обвинил Б. Ф. Поршнева в схематизме и «в заимствовании» отдельных положений из «буржуазной литературы» или даже «буржуазной науки». А. Д. Эпштейн — еще раз в «идеализме»⁵¹.

Заслуживают быть отмеченными выступления, в которых, помимо констатации факта наличия схемы в конструкции Б. Ф. Поршнева, в той или иной форме звучала мысль о необходимости обратиться к исследованию конкретного материала источников. Об этом говорили В. Ф. Семенов, В. В. Стоклицкая-Терешкович, Ю. А. Корхов, А. В. Десницкая⁵².

⁴⁷ ОР РГБ. Ф.684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 72; Экземпляр текста выступления С. Д. Сказкина хранится также в его фонде. См.: Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1, Ед. хр. 11. Л. 1–11.

⁴⁸ Обсуждение статей...С. 203; Москаленко А. Указ. соч. С. 139.

⁴⁹ Т. е. солидаризация взглядов с М. Н. Покровским, которые были «осуждены» и «развенчаны» еще в начале 30-х гг.

⁵⁰ Обсуждение статей...С. 205; Москаленко А. Указ. соч. С.141; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л.197, 203, 204, 205, 208, 215, 216–217, 221–222. Не исключено, что на обсуждение статей из Ленинграда приезжала А. Д. Люблинская. В ее архиве сохранилась конспективная запись выступлений М. М. Смирин, В. Ф. Константинова и Н.А.Сидоровой. А.Д.Люблинская передала пафос выступления Н. А. Сидоровой следующим выражением: «Схем[атизм] и схоластика. Сплошная ревизия под прикрытием левой фразы». См.: СПб. ФИРИ. Фонд А. Д. Люблинской. Папка «Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева». Л.5.

⁵¹ Обсуждение статей...С. 203,204; Москаленко А. Указ. соч. С.140, 142; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 105 и сл.

⁵² Обсуждение статей...С. 202, 204, 206; Москаленко А. Указ. соч. С. 139–142; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Особенно Л. 79, 85–86, 126–127, 139. Наиболее интересными нам представляются выступления в защиту источниковедения и конкретных штудий В. Ф. Семенова и В. В. Стоклицкой-Терешкович. В. Ф. Семенов: «Надо сказать о самой манере писать, которая характерна для Бориса Федоровича в его разбираемых статьях. Это по существу очерки, которые носят характер общего обзора. Автор никакой научно-исследовательской работы в них по существу не проделывает. Он берет произвольно цитаты из классиков марксизма-ленинизма, затем по этим цитатам старается развить свои собственные взгляды. Вообще надо сказать, что фактическое содержание статей Б. Ф. Поршнева очень бедно. В них больше общих фраз и рассуждений, недостаточно в конце концов аргументированных...». См.: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр.

Звучали в ходе обсуждения слова в поддержку Б. Ф. Поршнева. Наиболее последовательными здесь оказались З. В. Удальцова и М. А. Алпатов⁵³. Они сочли нужным не только поддержать Б. Ф. Поршнева, но выступить с критикой его оппонентов. Стилистика защиты, правда, ничем особенным не отличалась от словесных пассажей нападения. З. В. Удальцова сочла теоретичность и абстрактность обсуждаемых статей положительным явлением, которое выгодно отличает их от «наблюдавшегося в последние годы в работах многих советских ученых увлечения фактологией», и остро полемизировала с Ю. М. Сапрыкиным и С. Д. Сказкиным. М. А. Алпатов также вступил в полемику с «рядом участников дискуссии, не считавших нужным отметить достоинства обсуждаемых статей... Приведя конкретные примеры, М. А. Алпатов утверждает, что взгляды, против которых нацеливал свое выступление Б. Ф. Поршнев, не изжиты, что борьба с ними остается важной задачей советской исторической науки».

1. Л. 79; В. В. Стоклицкой-Терешкович: «Борис Федорович! Я очень ценю Вас, как талантливого и яркого человека, высказывающего яркие мысли, и мне глубоко обидно, что вы допускаете такие искажения исторических фактов или просто обходите их молчанием, не считаете нужным углубляться в них и даже возводите это в теорию, доказывая, что все остальное, что освещено историей с учетом пестроты, всего разнообразия, всей яркости ее конкретного содержания, — все это описание, а для того чтобы понять, углубить, чтобы дать теорию, нужно отвлечься от всего совершающегося, от 90% конкретного содержания истории и нужно просто остановить внимание на одном каком-нибудь уголке, на одной части, пусть очень важной части, но все-таки части. Если выдвигать одну часть, такое одностороннее освещение искажает понимание целого.

Я помню Ваши статьи о Тридцатилетней войне, которые печатались в «Вопросах истории». Эти статьи, простите меня за правду, настолько по уровню выше тех, которые подверглись здесь обсуждению, что прямо становится обидно за вас. Вы могли бы чрезвычайно много дать, хотя бы в области изучения Тридцатилетней войны. Вы сами сказали: она затягивается у Вас на 13 лет. Мы бы все, я убеждена, с наслаждением прочитали ее.

Разрешите резюмировать: теория, которая не объясняет факты, а либо замалчивает, либо искажает их, — это теория нехорошая». См.: ОР РГБ. Ф.684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 126–127.

⁵³ З. В. Удальцова была женой М. А. Алпатова. Как видно из материалов ЦАОДМ, в 1950 г. книга М. А. Алпатова выдвигалась на Сталинскую премию; и Б. Ф. Поршнев, и В. В. Альтман приняли в этом живое участие. На отчетно-выборном партийном собрании 31 января 1951 г. С. Л. Утченков, например, говорил: «случай ... о возможности предоставления на Сталинскую премию работы М. А. Алпатова. Я должен сказать так, что вопрос о выдвижении работ на Сталинскую премию и работы М. А. Алпатова, и всех других, я, как представитель дирекции, не знаю, правильно или не правильно, но совершенно сознательно занял такую позицию: я считаю, что в это дело дирекция вмешиваться не должна и не должна давать никаких директив в том смысле, что такую-то работу продвигайте, а такую-то проваливайте. Мне Б. Ф. Поршнев сказал, что он, как руководитель сектора, думает выдвинуть на Сталинскую премию работу М. А. Алпатова». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 75 В выступлении Н. А. Сидоровой речь шла о В. В. Альтмане, которого она упорно публично связывала со своими врагами Б. Ф. Поршневым и М. А. Алпатовым: «Относительно Альтмана. Михаила Анатольевича партбюро вызывало в связи с заявлением, которое было сделано на партбюро, что книга Алпатова продвигалась в издательстве и выдвигалась на Сталинскую премию, Альтман пытался выдвинуть через Волгина, что все-таки связь между этими явлениями существовала, и Михаил Анатольевич объяснил, что он в свое время предоставил работу матери Альтмана по линии иностранного издательства, что мать Альтмана переводила книгу. Потом он перестал давать переводческую работу и, видимо, Альтман, желая продолжить получать материальные блага, начал страшно хлопотать о выдвижении книги Алпатова на Сталинскую премию. Я говорю то, что мне передал тов. Севастьянов, он специально по поручению партбюро беседовал с М. А. Алпатовым...». См., там же: Л. 87–88. Данные высказывания показывают, что споры подогревались не только «наукой», но и личными мотивами и интересами. А политические характеристики, видимо, использовались в качестве самого лучшего инструмента для сокрушения оппонента.

По мнению М. А. Алпатова, «статьи Б. Ф. Поршнева будут полезны для борьбы с буржуазной историографией»⁵⁴.

В защиту Б. Ф. Поршнева подали голоса присутствующие на заседании философы – Т. И. Ойзерман и В. Ф. Константинов. Первый подчеркнул, что Б. Ф. Поршнев «следует указанию товарища Сталина рассматривать историю, прежде всего, как историю трудящихся масс». Второй отметил, что «Б. Ф. Поршнев «делает большое дело, и его надо в этом поощрить..., ибо у историков есть опасность недооценки теоретического момента, сползание к фактологии»⁵⁵.

На защиту Б. Ф. Поршнева встал М. М. Смирин, который нашел подход Б. Ф. Поршнева соответствующим и Марксу, и Сталину. Коснувшись проблемы абсолютизма, он счел нужным заметить: «Справедливы замечания о том, что нельзя игнорировать роль абсолютной монархии и прогрессивную роль, которую сыграла в истории буржуазия. Но нельзя понять классовую борьбу эпохи абсолютизма, не изучая народных движений»⁵⁶.

Б. Ф. Поршнева поддержали З. В. Мосина, А. В. Мельникова и И. З. Тираспольская. З. В. Мосина сочла статьи «ценными и полезными». В них Б. Ф. Поршнев «правильно берет положения исторического материализма и делает смелую попытку применить их к истории общества»⁵⁷. А. В. Мельникова стала опровергать Ю. М. Сапрыкина, Н. А. Сидорову, А. Д. Эпштейна. И. З. Тираспольская решила, что противники Б. Ф. Поршнева стоят «на технико-экономических позициях» и за процессом развития производительных сил не видят тех противоречий, в которых этот процесс протекает⁵⁸.

Отметим, что даже сторонники Б. Ф. Поршнева нашли в его построениях либо ошибки, либо «недооценки». Кто «схематизм», кто «преувеличение роли классовой борьбы», кто подмену понятий.

Далее просто процитируем: «Свой ответ выступающим Б. Ф. Поршнев построил в форме резкой «антикритики», направленной против ряда критических замечаний»⁵⁹. Б. Ф. Поршнев отверг центральное обвинение в том, что он забыл об экономике. Привычной логикой рассуждений он пренебрег потому, что не хотел повторять «известное», «не требующее повторений». В этом смысле он готов принять упрек «в односторонности» и переработать материал. Однако он остался непоколебим в правильности «сформулированных» им положений и, в свою очередь, «обвинил Н. А. Сидорову и Ю. М. Сапрыкина в забвении важнейших положений марксизма-ленинизма»⁶⁰. На самом деле, он сказал следующее: «Ясно, что т.т. Сидорова, Сапрыкин, Эпштейн критиковали не меня, а товарища Сталина»⁶¹.

Итоговое выступление Е. А. Косминского, который, по-видимому, не был в восторге ни от предмета, ни от тональности дискуссии, было достаточно

⁵⁴ Обсуждение статей... С. 202-203, 205; Москаленко А. Указ. соч. С. 141-142; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 88-91.

⁵⁵ Обсуждение статей... 204 – 205; Москаленко А. Указ. соч. С. 140-141; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 152, 181, 183.

⁵⁶ Обсуждение статей... С. 204; Москаленко А. Указ. соч. С. 141-142; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 170, 177. Судя по записи А. Д. Люблинской, М. М. Смирин существенно поддержал Б. Ф. Поршнева. См.: СПб. ФИРИ. Фонд А. Д. Люблинской. Папка «Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева». Л. 1.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 167.

⁵⁸ Обсуждение статей... С. 204, 205-206; Москаленко А. Указ. соч. С. 142.

⁵⁹ Сказано слишком сильно. Стенограмма не дает такого ощущения, даже когда читаешь выступления Ю. М. Сапрыкина и А. Н. Сидоровой. См.: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 224-278.

⁶⁰ Обсуждение статей... С. 206; Москаленко А. Указ. соч. С. 142.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 263.

мягким. Ему удалось увидеть позитив в самой постановке Б. Ф. Поршневым проблемы крестьянского сопротивления. Он посчитал «необоснованными» обвинения Б. Ф. Поршнева в том, что тот «ревизует марксизм-ленинизм». Но Е. А. Косминский согласился с теми, кто отметил, что статьи содержат положения, «противоречащие прямым указаниям классиков марксизма-ленинизма». Это нашло выражение в том, что в статьях подвергся «рассмотрению не феодальный способ производства в целом, а лишь определенная его сторона, которая дана как бы через сильное увеличительное стекло⁶². В то же время другие стороны остались вне поля зрения автора, оказались преуменьшенными. Подчеркивая роль крестьянского сопротивления в истории феодального общества, Б. Ф. Поршнева отвлекся от остальных сторон, исказил действительные пропорции явлений и дал в целом неверную картину»⁶³.

Кроме того, Е. А. Косминский призвал медиэвистов «углубленно изучать марксистско-ленинскую теорию и решать важнейшие методологические проблемы в сотрудничестве с советскими философами, на основе конкретно-исторического исследования»⁶⁴.

Представляется, что выступавшие, не менее половины которых весьма доброжелательно относились к Б. Ф. Поршневу, не желали принимать его слишком последовательный, как сказали бы, наверное, в 40-50-е гг., монизм. Видимо, многие боялись, что победа Б. Ф. Поршнева обернется новой кампанией и идеологическим навязыванием. Историки, думается, все-таки хотели хотя бы права на разнообразие исследовательских сюжетов, если уж подходу суждено было оставаться одному — марксистскому. Б. Ф. Поршнева, как не без основания казалось современникам, всю историю стремился свести к «народным массам» и «классовой борьбе». В ходе дискуссии этот страх перед слишком «марксистским» Б. Ф. Поршневым очень точно выразил А. Д. Эпштейн, сказав: «Б. Ф. Поршнева своей классовой борьбой предлагает нам универсальный ключ, который подходит ко всем дверям. Но тогда это уже не ключ, а «отмычка»⁶⁵.

Итогом дискуссии редакция «Известий АН СССР» дала свой комментарий, в котором покаянно признала ошибкой публикацию статей Б. Ф. Поршнева. Лексика редакционного комментария представляется чрезвычайно любопытной. Прежде всего комментарий призывает историков «заняться разработкой проблем, связанных с указанием товарища Сталина о том, что историческая наука «...должна ...»: вести «неуклонную борьбу со всеми пережитками «экономического материализма»; «смелее ставить и разрешать теоретические вопросы». Б. Ф. Поршнева попытался пойти именно по этому пути. Однако предложенные решения «являются принципиально неверными», содержат «грубые отклонения от теории марксизма-ленинизма». Статьям Б. Ф. Поршнева «присуща вульгаризация марксизма, схематизация и механистическое представление об историческом процессе, выразившееся в игнорировании роли экономики в изучении и раскрытии законов развития общества, в игнорировании законов развития производительных сил и производственных отношений; в отрыве классовой борьбы, кипевшей в феодальном обществе, от развития его производительных сил и производственных отношений, приводящем к вульгаризации марксистского понимания исторического процесса, к немарксистской трактовке роли классовой борьбы; в отказе от требуемого марксизмом-ленинизмом исторического подхода к явлениям прошлого, в схематизме и механицизме».

⁶² В стенограмме сказано «лупа». См.: ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 288.

⁶³ Обсуждение статей... С. 206; ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 279, 280, 285, 286, 288, 290.

⁶⁴ Москаленко А. Указ. соч. С. 142.

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 105.

Б. Ф. Поршнева, кроме того, обвинили в «путанице», «отступлении от классиков-марксизма», «безапелляционности», «догматизме», «замалчивании одних исторических фактов» и, напротив, «в расширительном толковании других».

Относительно статей вывод редакции следующий: «Полемически заостренные против пережитков экономического материализма, призванные стать *оружием борьбы* (здесь и далее курсив наш. — Т. К.) против буржуазных теорий, эти статьи не разрешили поставленной автором задачи. Они не могут послужить *оружием* нашей советской исторической науке»⁶⁶.

Поскольку победа оппонентов Б. Ф. Поршнева отнюдь не была полной, то редакционный комментарий содержал сетование на недостаточную «организационную» подготовку дискуссии, на невозможность отнести ее «к числу удачных, подлинно творческих, обогащающих нашу советскую науку»⁶⁷. Досталось в комментарии и некоторым участникам дискуссии, В частности, в выступлении А. Д. Эпштейна нашли «*вопиющее* противоречие прямому указанию Ленина». Вновь прозвучавший в ходе дискуссии призыв В. Ф. Семенова и В. В. Стоклицкой-Терешкович «к отказу от непосильных» обобщающих теоретических работ, призыв к уходу целиком в область конкретно-исторических исследований» был на этот раз охарактеризован как «порочная и опасная установка»⁶⁸.

С. Н. Асиновская, которая в это время возглавляла партийную организацию сектора истории Средних веков, выразила мнение большинства в следующих словах: «Что показала эта дискуссия? Какое огромное количество людей, какое огромное количество выступлений. Значит, эти статьи, поднимающие большие вопросы в методологическом отношении, выходили, продавались в Польше, были на периферии. Подавляющее большинство говорило, что статьи Поршнева порочны. Другие говорили, что они производят ревизию марксизма. Третьи еще что-то говорили. Во всяком случае, статьи требовали обсуждения прежде, чем они оказались у широкого читателя. На худой конец они должны были выйти в порядке дискуссионных»⁶⁹.

Любопытно, что в ходе дискуссии не было принято, как тогда полагалось, никакого решения. Резолюция, как об этом скажет 25 апреля на открытом партийном собрании Б. Ф. Поршнева, появится позднее, после его ухода в отпуск. Ее текст с осуждением статей предложит в его отсутствие партгруппа сектора, состоящая из пяти человек, двое из которых — З. В. Мосина и З. В. Удальцова ее поддержать не могли. Следовательно, проект резолюции приняли и предложили трое — Н. А. Сидорова, С. Н. Асиновская и М. М. Фрейденберг, а затем она уже прошла через собрание сектора Средних веков⁷⁰.

Сохранилось письмо Е. А. Косминского Б. Ф. Поршневу без даты, но, вероятно, написанное зимой 1951 г., с просьбой не чинить препятствия принятию резолюции. В нем Е. А. Косминский намекает на то, что на принятии резолюции настаивают какие-то внешние сектору силы. Вот его текст:

«Дорогой Борис Федорович!

Мне кажется, что Вы слишком нервно воспринимаете сложившуюся ситуацию. Я думаю, что сектор должен вынести «резолюцию» — иначе вся длительная и очень важная для нас дискуссия останется незавершенной. Мое заключительное слово представляло мое личное мнение, а не мнение сектора в целом. Конечно, резолюция ни в коем случае не должна и не будет иметь «аракчеевского» характера, но у наших историков не должно оставаться впе-

⁶⁶ Обсуждение статей... С. 206–207.

⁶⁷ Там же. С. 208.

⁶⁸ Там же. С. 207–208.

⁶⁹ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 71.

⁷⁰ См. об этом: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 71–73; Там же. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 46.

чатление, что по поднятым Вами вопросам у сектора нет никакого определенного мнения. Я думаю, что в Ваших же интересах не возражать против вынесения текста резолюции. Мое заключительное слово может послужить для нее основой. Но вынести ее мы должны. Таково мнение не только тех лиц, которых Вы назвали.

Поэтому я советую Вам не возражать против вынесения резолюции, которая, я уверен, не будет заключать ничего для Вас обидного»⁷¹.

На публикации Б. Ф. Поршнева полемическими статьями отозвались Е. А. Косминский и П. Н. Галанза⁷². Статьи последних, так же как работы самого Б. Ф. Поршнева, целиком строятся на цитатах. Если Б. Ф. Поршнев обвинял своих неназванных противников в «экономическом материализме», меньшевизме и троцкизме, то Е. А. Косминский ставил Б. Ф. Поршневу в упрек «неточное толкование» одного из высказываний Сталина касательно классовой борьбы в период феодализма. По мнению Е. А. Косминского, Б. Ф. Поршнев «неправомерно расширяет понятие классовой борьбы». «Конечно, — говорит он, — нетрудно всякий рост производительных сил считать результатом развития классовой борьбы; но в основе такого объяснения лежит искусственная логическая операция, не имеющая ничего общего с логикой действительности»⁷³. Б. Ф. Поршнев, продолжает Е. А. Косминский, путем произведения «логической операции» расширил понятие «классовая борьба» до такой степени, что «она стала на место экономики»⁷⁴. Выведение Б. Ф. Поршневым «всех явлений в истории феодального общества» из классовой борьбы внешне «производит впечатление логической стройности и последовательности, но это искусственная, надуманная схема, в которой нередко проявляются насилие над фактами в угоду принятой схеме, голое социологизирование, схоластические ухищрения мысли»⁷⁵.

Останавливаясь на трактовке Б. Ф. Поршневым деятельности феодального государства, Е. А. Косминский отмечает, что в его статьях акцент делается на функции подавления властью выступлений народных масс. Е. А. Косминский замечает, что Б. Ф. Поршнев, упрощая действительность, не заметил прогрессивной роли государства в Средние века, в частности абсолютистского государства. «Королевская власть, в том числе и абсолютная монархия, играла в одно время прогрессивную, а в другое — реакционную роль, одни стороны ее политики содействовали развитию производительных сил, другие его задерживали. Все зависело от ряда конкретных условий. Решительно реакционной делается абсолютная монархия в последний период своего существования, предшествующий буржуазным революциям»⁷⁶.

В статье Е. А. Косминского очень часто при характеристике работ Б. Ф. Поршнева используются определения «схема», «искусственные построения», внешняя стройность. И здесь же Е. А. Косминский делает ценное для последующих исследователей признание — признание в том, что весь спор носит сугубо отвлеченный характер. Это — спор из-за слов, категорий. Это разговор — по понятиям. Признание, сделанное почти в духе постмодернистских штудий «лингвистического поворота». Вот это место: «Несомненно, у него (Б. Ф. Поршнева. — Т. К.) есть интересные и новые мысли и наблюдения, но

⁷¹ ОР РГБ. Ф. 684. Карт. 34. Ед. хр. 47. Л. 15–15 об.

⁷² Косминский Е. А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма (по поводу статей Б. Ф. Поршнева) // Изв. АН СССР. Сер. Ист. и филос. 1951. Т. VIII. № 3. С. 237–255; Галанза П. Н. Об ошибочных взглядах Б. Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства // Вестник МГУ. Сер. Ист. 1951. № 9. С. 163–174.

⁷³ Косминский Е. А. Указ. соч. С. 239–240.

⁷⁴ Там же. С. 242.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 251.

в целом его построение неверно и не разъясняет, а запутывает историю Средних веков. Его теории легко могут ослепить фейерверком «новаторских» и очень «левых» мыслей. Но это не тот стиль мысли и языка, не тот простой, ясный и убедительный стиль, которому учат нас Ленин и Сталин»⁷⁷.

П. Н. Галанза был менее толерантен. Небезынтересны идеологемы и методологемы, которые он использовал при характеристике статей Б. Ф. Поршнева. Попробуем их кратко перечислить. Итак, Б. Ф. Поршнев «отрывает классовую борьбу в феодальном обществе от развития производительных сил», понимает «классовую борьбу весьма узко и примитивно, «отмежевывает» классовую борьбу и политику от экономики». В его статьях «обнаруживается порочность методологических установок», «антиисторичность самой постановки вопроса», «невообразимая путаница» и «ничем не замаскированная ревизия марксизма», стояние на позициях критикуемых марксистами философов XIX в. Дюринга и Фейербаха, «непонимание того, как решается марксизмом-ленинизмом вопрос о соотношении базиса и надстройки». Б. Ф. Поршнев «игнорирует» положение Сталина, что «надстройка «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться», а также «игнорирует все сказанное основоположниками марксизма-ленинизма о причинах, парализовавших волю крестьянства к борьбе». П. Н. Галанза чувствует, что концепция Б. Ф. Поршнева «построена на гнилой теоретической основе», а сам он «не в состоянии дать вразумительное объяснение процессу борьбы за преодоление раздробленности и создание централизованного государства...». Наконец, по мнению П. Н. Галанзы, Б. Ф. Поршнев впадает в «космополитичность», возвращается к позициям М. Н. Покровского. А сами его статьи являются «вопиющим фактом пропаганды схоластики, путаницы и извращений марксизма-ленинизма на страницах журнала Академии наук СССР»⁷⁸.

Статья П. Н. Галанзы свидетельствует, что противники Б. Ф. Поршнева не были удовлетворены «научными» результатами дискуссии. Им нужны были политические результаты. Как свидетельствует Е. В. Гутнова, такова была обычная практика тех дней. И Б. Ф. Поршнев, если бы «прав» оказался он, поступил бы с оппонентами точно так же⁷⁹. Но о том, как были получены политические результаты и каковы они были, мы расскажем в следующей раз.

SUMMARY

The paper of Dr T.Kondratieva «The Beginning of the Discussion on the Class struggle in the Feudal society in the Soviet Historical Science (1950th years)» tales about the participation of the great soviet historians into the very abstractive controversies on the class struggle for the Feudalism. The author analyses their scientific discourse and arguments, which they has taken from not the historical sources but from Marxism.

⁷⁷ Там же. С. 255; Отметим, что Е. А. Косминский был по меркам тех дней предельно корректным и деликатным в своих оценках, подчеркивая отдельные «интересные» места в статьях и то, что Б. Н. Поршнев отнюдь не собирался подвергнуть «ревизии марксизм». Видимо, не случайно Н. А. Сидорова, один из самых принципиальных, жестких и последовательных противников Б. Н. Поршнева, не считала возможным использовать в борьбе с ним Е. А. Косминского. На одном из заседаний партбюро она, в частности, говорила: «Косминский боится, что Поршнев назовет его экономическим материалистом, — он, подводя итоги, готов назвать Поршнева прекрасным историком. Вопрос нужно поставить на партийном собрании; должна быть заготовлена специальная резолюция, подготовиться нужно серьезно». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 46.

⁷⁸ Галанза П.Н. Указ соч. С. 163–175.

⁷⁹ Гутнова Е. В. Указ. соч. С. 267.